

УДК 821.111.-82.14(410)

В.А. Миловидов

НЕИЗВЕДАНЫЙ САУТИ: НОВЫЕ ГРАНИ ЛИЧНОСТИ И ТВОРЧЕСТВА

Автор рецензируемой монографии (Л. Н. Корнильева. Поэтический мир Р. Саути: монография. – Харьков: Точка, 2013.– 350 с.) не посетует на составителя данной рецензии за то, что в ее заглавии использовано название одной из глав книги, ставшей предметом обсуждения. Ведь лучше не выразить суть этой обстоятельной и интересной работы, в которой английский поэт предстал перед читателем действительно новыми гранями личности и таланта. Раскрывая эти грани, автору новой книги о Саути пришлось решать несколько непростых проблем, системно между собой связанных.

Известно, что в отечественной научной традиции сложилась собственная история западных литератур, отличавшаяся от той литературной истории, которую «для себя» писали немцы, французы, англичане и проч. Имена, малозначимые для западного читателя и литературоведа, а иногда и абсолютно неизвестные, для нас представляли лучшее, что было, якобы, написано на Западе. И, наоборот, те западные писатели, которые давно и прочно вошли в классику мировой литературы, были в нашей науке либо персонами «нон-грата» и замалчивались, либо были поводом для, как правило, кратких, но уничижительных характеристик. Достаточно сопоставить виртуальный (сложившийся не в реальном литературном процессе, а в отечественной научной традиции) и реальный (относящийся к достаточно независимому от усилий ученого литературному процессу) статус таких англоязычных писателей, как, допустим, Дж.Олдридж, которому и в учебниках, и в монографиях об английской литературе XX века посвящались развернутые главы, и Дж.Джойс, роль которого для мировой литературы трудно было замолчать, но которому в тех же изданиях отводилось лишь несколько абзацев, да и то – сугубо критического, а то и разгромного свойства.

Причины подобных aberrаций хорошо известны. Если бы Дж.Джойс входил в исполнительные органы компартии Великобритании (сослагательное отношение не противопоказано истории – оно есть форма ее иронической самооценки), если бы был он «другом Советского Союза» – еще в 30-е годы был бы успешно завершён незавершённый тогда перевод «Улисса», а тиражи наверняка, спорили бы с тиражами книг М.Шолохова и Г.Маркова. Но Джойс не был другом СССР, а потому советской науке, которая в определении места и роли писателя в литературном процессе исходила из его политических предпочтений, причем, не обязательно выраженных в художественном творчестве (равно как и – для литераторов XX столетия – из его отношения к стране Советов), так и удалось создать адекватную картину его творчества.

В отечественной науке о литературе фигура Р.Саути, современника и

«соратника» У.Вордсворта и С.Т.Колриджа, долгие годы если не замалчивалась, то, по крайней мере, представлялась весьма неадекватно. Ему не простили забвения юношеских планов создания «пантисократии», коммунны, основанной, сказали бы советские литературоведы, практически на Программах КПСС, не простили его религиозности, его явного монархизма. Был Саути и «поэтом-лауреатом», то есть, по сути, придворным поэтом (как будто в СССР не было придворных поэтов!).

Чтобы не быть голословными в своих гневно-презрительных инвективах, наши литературоведы в качестве аргументов обвинения обычно приводили уничижительные характеристики, данные Роберту Саути «защитником луддитов» и, следовательно, практически пролетарским поэтом лордом Дж.Г.Байроном.

Но вот что интересно: та характеристика, которую Саути давали в нашей стране и которая подкреплялась точкой зрения Байрона, нисколько не умаляла его реальной значимости для англичан, для английской литературы, для мирового литературного процесса. Англичане любят и ценят Саути, читают и переиздают его произведения – и поэтические, и исторические. Любопытно, что вполне солидарен с англичанами (но не с отечественной научной традицией) сам А.С.Пушкин, письма которого свидетельствуют о весьма приятном отношении великого русского поэта к английскому собрату по перу.

Конечно, Саути издавался и в нашей стране, но, прежде всего, как признанный мастер романтической баллады. Баллада, с ее мощными фольклорно-мифологическими импликациями, весьма слабо связана с политическими компонентами творческого мировоззрения писателя. Баллады имеет право писать и реакционер; более того, они, как явная реализация любви к народу и народному прошлому, пусть и не до конца, но реабилитируют «реакционера» в глазах литературоведа, которые единственно «правильно» понимают, что в литературе к чему.

Монография Л.Н.Корнильевой одной из своих целей и ставит задачу более тесно соотнести, гармонизировать отношения между реальным литературным процессом и сложившимся в нашей научной традиции представлением о нем, что до сих пор является весьма актуальной задачей. Как представляется, автор выбрал наиболее верный путь достижения этой цели – основываясь на полном и беспристрастном прочтении художественных произведений поэта (не политических высказываний, не «политической биографии», а биографии литературной) восстановить в нашем представлении реальный, а не искусственно сконструированный облик сложного и многогранного литературного творчества Саути, включающего в себя и лирику, и пространные лирико-драматические поэмы, иные жанровые формы, характерные для английского романтизма.

Главным и бесспорным достоинством монографии как раз и является внимательная, скрупулезная работа с тем, что делает литературу литературой –

не с критическими высказываниями и литературоведческими опусами (это есть, и в должной мере, в рецензируемой книге), а с литературными текстами. Причем, что крайне важно, представляя Саути и так, как он известен русскому читателю, то есть, в существующих переводах, автор работает, главным образом, с оригинальными текстами, что позволяет не только скорректировать перевод, по определению являющийся лишь либо ослабленным, либо искаженным рефлексом оригинала, но и дать максимально адекватную интерпретацию того, что Саути действительно написал.

При этом автор монографии показывает себя не только внимательным читателем, но и крайне умелым комментатором – без чего трудно понять такие мощно фундированные историческими, географическими и прочими реалиями тексты, каковыми являются «Жанна-д-Арк», «Уот Тайлер», «Талаба-разрушитель» и многие другие произведения Саути.

Автор справедливо видит в этой особой насыщенности реалиями, а также различного рода сведениями из истории, философии, эстетики и прочих наук чисто английский феномен, связанный, в частности, и с глубочайшей и разносторонней образованностью Роберта Саути. Совершенно справедливой в этой связи выглядит и проходящая рефреном через всю монографию мысль автора, что тексты Саути требовали конгениального читателя, сведущего во многих искусствах и науках (не по этой ли причине, кроме всего прочего, Саути казался подозрительным советскому литературоведению – пролетарским писателям чужды эти интеллигентские интересы?).

Не менее серьезным достоинством монографии можно считать и глубокий всесторонний анализ «словесной» фактуры произведений Р.Саути. Автор детально анализирует тропы и фигуры в творениях Саути, без чего трудно вообще вести разговор о поэзии, в особенности поэзии романтической, богато оркестрованной различного рода способами «непрямого говорения», о квазицветовых и квазизвуковых эффектах в стихах рассматриваемого автора («квази-» потому, что речь идет не собственно о цвете и звуке, а об умелой, талантливой реконструкции звуковых и колористических эффектов средствами слова). Посвященные «слову» Саути страницы монографии лишней раз доказывают – хорошее, качественное литературоведение немислимо без содружества с лингвистикой, которая совершенно органично входит в методологический и аналитический инструментарий, на основе которого автор решает стоящие перед ней сложные задачи и приходит к таким важным для литературоведения выводам.

О чем бы ни писал литературовед, сколь локальным не являлся бы его объект, в нем, как в знаменитой блейковско-маршаковской «чашечке цветка» отражается «небо» литературного процесса, иными словами – контекст, через который только и возможна семантизация искомого текстового элемента, в данном случае – «Текста Саути». И автор «Талабы» совершенно органично вписан в этот контекст, причем, не только в ближайший («лейкисты»), что вполне логично, но и весьма отдаленный – тот, который и позволяет увидеть в

творчестве Саути реальные черты литературного процесса – и английского, и мирового. Библия и Мандевиль, Стаций и Жуковский, Пушкин и Байрон, и, конечно же, Колридж и Вордсворт – этот ряд и художественных, и культурных миров, которые стоят за этими именами, можно продолжать достаточно долго, и все они вносят свой вклад в наше понимание реальной, а не фикциональной фигуры Роберта Саути, который впервые в нашем литературоведении предстал перед нами во весь свой реальный рост именно в монографии Л.Н.Корнильевой, показав и масштаб своего дарования, и широту своей творческой индивидуальности, и важность места, которое он занимает в литературе английского романтизма.

Наука, в отличие от религии, не столько отвечает на вопросы, сколько их ставит. Определившись с материалом, описав его и выявив в нем проблемные узлы, настоящий исследователь всегда смотрит в будущее, освещенное для него пока еще нерешенными вопросами. На этом этапе автор монографии о Саути решил задачу целостного описания поэтического мира английского романтика. Но, представив нам нового Саути, автор одновременно и раскрыл перспективы дальнейших исследований, связанных и с этим поэтом и, в целом, с литературой английского романтизма, которая, при всем обилии работ о ней, пока не открыла нам всей своих тайн.